

М. Ф. Ершов

Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск

**Северные зауральские города и региональная торговля в XIX веке:
проблемы адаптации**

**Cities of the Northern Trans-urals and Regional Trade in the XIX Century:
problems of adaptation**

УДК: 339.1

Аннотация: Статья раскрывает специфику экономико-географического положения городов Северного Зауралья: Верхотурья, Туринска и Ирбита в XIX в. Проанализировано участие провинциальных городов в региональной торговле при смещении на южные территории экономической активности. Исследованы способы адаптации и эволюция образа города в новых условиях.

Summary: This paper reveals the specific geographic location of cities of the Northern Trans-Urals: Verkhoturys, Turin and Irbit in the XIX century. It analyses the involvement of the provincial cities into the regional trade, in the circumstances when the economic activity moved to the southern area. The article explores the ways of adaptation and evolution of the city's image in the new conditions.

Ключевые слова: адаптация, горожанин, образ города, предприниматели, региональная торговля, сфера услуг, экономико-географическое положение, ярмарка.

Key words: adaptation, citizen, city image, entrepreneurs, regional trade, services, economic and geographical situation, fair.

Развитие рыночных отношений и переход к индустриальному обществу взаимно дополняли друг друга. В начале такого перехода на рынке господствовали периодичная (ярмарочная) и развозная (разносная) виды торговли. Особенно они были характерны для провинциальных городов. Здесь сосредоточивались предприимчивые люди, стремящиеся к обогащению. Их усилия поддерживались местными властями, добивавшимися усиления экономического веса своих городов. Однако все это одновременно вело к их зависимости от нестабильного рынка. Без развитой материальной инфраструктуры небольшие города не имели действенных механизмов воздействия на региональную торговлю. По отношению к городам она выступала внешней активной силой, с которой им приходилось считаться и приспособливаться. Несомненно, что в исторической конкретике были реализованы различные варианты адаптации. Наша задача заключается в выявлении степени воздействия региональной торговли на экономику и культуру городов Северного Зауралья – Верхотурья, Туринска и Ирбита.

«Город не может существовать изолированно. Он обслуживает другие города, о которых можно сказать, что они составляют «торговый район» данного города. Этот район, в свою очередь, обслуживает город», – пишет американский географ Дж. Александер [1, 81]. Однако, город мог и утрачивать свой «торговый район». В таком положении к середине XVIII в. находились Туринск, Ирбит и Верхотурье. Освоение новых территорий и смещение торговых путей, наряду с закрытием верхотурской таможни, привели к угасанию торговой активности. Прежние примитивные рыночные структуры, «прикрепленные» к немногочисленным дорогам, вслед за их переносом «поползли» к югу, «оголяя» северные города.

«Город переживал кризис», – замечал Л. Е. Иофа о Верхотурье второй половины XVIII в. [2, 186]. По нашему мнению, оценка Л. Е. Иофа нуждается в некоторой корректировке. Отчасти она была осуществлена М. М. Громыко: «Положение Верхотурья на стыке промышленного Урала и осваиваемой Сибири при определенных благоприятных возможностях выдвигало наиболее активно и ловко приспособлявшихся к условиям феодального государства богатых горожан в ряды буржуазии. Но их капиталы и деятельность не были связаны с эко-

номикой Верхотурья, которое оставалось мелким и медленно развивавшимся провинциальным феодальным городом», – делает вывод ученый, оценивая деятельность верхотурских купцов [3, 52–53].

С этим заключением также нельзя согласиться полностью. Во второй половине XVIII в., когда город уже утратил прежнее значение, взлет таких верхотурских купцов как Поповы или Походяшины, объясняется не столько особым экономико-географическим, «стыковым» положением поселения (им обладали все города Зауралья, причем северное Верхотурье в наименьшей мере), сколько его предшествующим развитием. За прошедшие полтора века им был накоплен богатейший опыт предпринимательства. С потерей прежних торговых функций этот скрытый потенциал выплеснулся «наружу», стал реализовываться вне городских стен.

Не вполне оправдано и утверждение, что капиталы крупнейших верхотурских купцов не были связаны с экономикой города. Для примера можно сослаться на еще одну работу М. М. Громыко: «Жили Походяшины в Верхотурье в огромном деревянном доме с богатой резьбой наличников и порталов, растянувшимся на целый квартал и выходившим торцом на главную улицу. Дом стоял возле Покровского монастыря, пользовался особым покровительством Максима Михайловича, который выстроил монастырю две церкви, снабдив их необходимыми принадлежностями» [4, 144].

Итак, город оказался местом проживания крупных предпринимателей и связанного с ними населения. Данная функция, разумеется, была временной. Переселение верхотурцев из родного города происходило параллельно с адаптацией к новым условиям. Значительный интерес для них представляли города Южного Зауралья. Так, в 1796 г. верхотурский мещанин Дмитрий Маслов решился записаться «в оклад» по Ирбиту купцом 3-й гильдии, с объявленным капиталом 2050 руб. [5, 6–7], в 1839 г. в 3-ю гильдию Шадринска записался верхотурский мещанин Яков Веселов [6, 3]. Список примеров можно продолжить.

Из Верхотурья осуществлялась и вербовка наемных работников на Богословские заводы. В частности, этим занимался верхотурский купец Юшков [7, 12]. Активно действовали и приказчики Походяшиных. Они предоставляли ссуды для неимущих, фактически закабалая их [8, 80–81]. Для жителей города такая зависимость облегчалась земляческой и корпоративной близостью к денежным воротилам. Естественно, что определенный «демократизм», Походяшина [9, 113], распространялся в основном на близких ему людей. В опубликованных Н. К. Чупиным фактах притеснения Походяшиными работников двое из трех упомянутых верхотурцев были сосланными поселенцами, психологически не готовыми стать «настоящими» горожанами [9, 121–122].

Жители Верхотурья выгодно отличались от обычных наемных рабочих. На Богословских заводах в конце XVIII в. верхотурцы не занимались «ручными работами». Сообщалось, что они «единственно работают на конях» [10, 21]. Город был административным центром уезда, с крупным горнозаводским массивом, поэтому здесь жили и многие чиновники горного ведомства [11, 73–77]. Связь с администрацией помогала горожанам проникать на горные заводы. Для Верхотурья был характерен не переход от торговли к производству, а обратный процесс. Первоначально корпоративные связи местной верхушки, ее закрытость для посторонних и отсутствие конкуренции вели к гигантским торговым оборотам. Так, например, в 1821 г. верхотурский купец первой гильдии Андрей Попов обратился за разрешением к начальнику Колывано-Вознесенских заводов о закупке 100 тыс. пудов хлеба на Алтае [12, 25].

Однако «закрытость» крупнейшего купечества и отток предпринимателей препятствовали появлению новых крупных капиталов. В этих условиях вступающие на торговое поприще были обречены существовать «вечными аутсайдерами», что влекло за собой неизбежную деградацию. П. А. Словцов обоснованно замечал, что «влияние Походяшиных <...> на дух городской промышленности было сильно. Зеленцовы, служившие при его делах, сделались впоследствии откупщиками. Поповы, ученики Зеленцовых, вышли в капиталы тем же ремеслом». Исследователь Сибири, побывавший в Верхотурье в 1828 г., также зафиксировал

запустение города и утрату интереса верхушки купечества к горнозаводской промышленности [13, 46–47].

Приведем примеры, отражающие отношение современников к верхотурской торговле. В начале XIX в. Н. С. Попов указывал на незначительные торговые обороты и на то, что жители Верхотурья «оборотливы», «стремительны» [14, 87–88]. В статье «Города Пермской губернии» от 1839 г. уже фиксируется зависимость от Ирбита: «Верхотурские купцы запасаются хлебом на Ирбитской ярмарке, торгуют преимущественно пушными товарами и мясом» [15, 7]. И, наконец, в начале 60-х гг. XIX в. Мозель категорично заявлял: «В торговом отношении Верхотурье не имеет в настоящее время никакого значения» [16, 698]. Итак, тенденция к консервации устоявшихся отношений помогала горожанам сохранять стабильность существования, но, одновременно, вела к сужению влияния Верхотурья в торгово-экономической сфере.

Относительное благополучие жителей и их связь с горными заводами определяли особенности торговли Верхотурья. Его торговцы продавали на Ирбитской и Нижегородской ярмарках пушнину. Вернувшись, они торговали в городе «шелковыми, шерстяными и более хлопчатобумажными товарами, также кожаными, особенно шитою крестьянскою обувью и для рабочих лошадей сбрую, жизненными припасами, получаемыми большей частью из других соседственных уездов» [17, 39]. Город пока еще сохранял значение в продаже кожи, рыбы, рогож, извести, жернового камня, в урожайные годы – кедровых орехов [18, 41]. Но ни один из перечисленных товаров не обладал уникальностью, что также вело к застою. Это был тупиковый путь эволюции – участники рынка все менее нуждались в его посредничестве. Об ограниченности торговли свидетельствовали и авторы «Экономического состояния городских поселений Европейской России» [19, 7].

В 1792 г. здесь была открыта ярмарка, проходившая с 20 дек. по 10 янв., но не имевшая экономического значения [14, 315–316]. К началу 60-х гг. действовали уже две ярмарки, все также ничтожные [19, 7]. По сведениям Н. С. Попова, в городе находился гостинный двор, состоящий из деревянных ветхих «в две линии построенных лавок, ряд которых числом 20» [14, 312]. Корпоративная и земляческая солидарность непосредственно определялась успехами выходцев из местного купечества. Так, например, Зеленцовы разорились уже в 1819 г. [20, 195]. И напротив, богатеющий коммерции советник Ф. И. Попов в 1832–1833 гг. предоставил средства на постройку части нового гостиничного двора. Это была линия из 32 деревянных лавок на каменном фундаменте. В Верхотурье рано, в 1837 г., появился общественный банк, благодаря выделенному капиталу в 14 285 руб. А. Я. Поповым [19, 9]. Но сама торговая инфраструктура так и не получила особого развития. Последний гостинный двор Верхотурья окончательно (с двумя линиями торговых лавок) был выстроен только в 80-х гг. XIX в. Это были деревянные лавки, скорее напоминавшие рынок в зажиточном селе. «Сохранились фото, запечатлевшие городскую торговую площадь начала XX в. Термин «гостинный двор» даже не очень подходит для определения характера этих сооружений», – замечает П. А. Корчагин [21, 136–137].

И все же город нашел возможности для экономического развития. В XIX в. его существование во многом определялось обслуживанием богомольцев. Дело в том, что в 1704 г. мощи святого Симеона были перенесены в Верхотурье, куда и направлялись люди на поклонение. Возникновению культа местного святого содействовали сами верхотурцы. В 1763 г. (после закрытия таможни!) канцелярист Верхотурской канцелярии Григорий Третьяков подал в Синод доношение о явлении мощей [22, 34]. Проведенное в 60-х гг. XVIII в. расследование было повторено в 20-е гг. XIX в. [23, 35–36].

Туринск не имел преимуществ Верхотурья. Но его население проявляло куда большую активность в торговой и ремесленной деятельности. Помимо низовий Оби туринские торговцы регулярно появлялись на Ирбитской ярмарке, в Пелыме, в сибирских городах [24]. Они специализировались на заготовке и продаже рыбы, скупке и перепродаже пушнины [3, 67]. В «Описании города Туринска» отмечалось, что торговцы промышляют рыбу «своими неводами и для покупки нарочно на судах из сего города ежегодно через Тобольск ходят на Обь ре-

ку и до городов Березова, Сургута, с июня и возвращаются обратно в октябре месяце. В сей ходьбе и обращении их почитается расстояние три тысячи верст, а другие же из купечества, как живущие в городе, а особенно в уезде, кормятся от хлебопашества, иные нанимаются своей братии достаточных купцов в приказчики, и последние, уже задолжав находятся у купцов и прочих обывателей в черных работах, другие же по достаточеству и одобрениям купеческим вступают в ряды, поставкою из Тобольска в верхние города водяною коммуникацией и сухим путем, для народного продовольствия казенной солью в города Тюмень, Екатеринбург, Туринск, Верхотурье и Пелым, в дистрикты Ялуторовский и Краснослободской с ведомствами» [25, 210–211].

«Описание» фиксирует, таким образом, доминирование внегородской торговли. Отсутствие крупных капиталов у туринцев вело к унификации их занятий. Экономическая необходимость вынуждала горожан браться за любую деятельность, приносящую хоть какой-нибудь доход. Мелкое предпринимательство часто уводило горожан далеко от Туринска. В Челябинске в 30-е гг. XIX в. действовал туринец Козлов, опустившийся затем в мещанское сословие (с 1839 г., очевидно, после его смерти, в делах фигурирует только мещанка Козлова). В архивных фондах отложились дела о содержании им винных погребков и исков к туринцу многочисленных кредиторов [26].

Эволюция же внутригородской торговли Туринска в целом протекала по схеме, аналогичной с Верхотурьем. Так, к началу 60-х гг. в гостиничном дворе находилось всего 22 лавки (из них 4 каменных) [27, 122–131, 404]. Минимальные торговые обороты были губительны для торговцев. Уже в начале XIX в. сошла со сцены династия купцов Коноваловых [28, 51]. Разорения предпринимателей меньшего масштаба, продолжались и в дальнейшем. Например, в 1865 г. оказались несостоятельны туринские мещане Федор и Степанида Корякины, поддерживающие связи с купечеством городов Екатеринбурга, Курска, Юрьева и Владимира [29, 292].

Как и Верхотурье, Туринск был вынужден наладить коммерчески выгодное обслуживание духовных запросов иногородних. Приезжие имели здесь широкие возможности для отправления религиозных обрядов. Так, в середине XIX в. Верхотурье располагало 5 церквями и мужским монастырем [16, 697], Туринск же – 5 церквями, 1 каменной часовней и женским монастырем [27, 131]. Постепенно сферы влияния были разделены. В 1822 г. Туринский Николаевский мужской монастырь из-за запустения был преобразован в женский. Здесь с 1847 г. существовала школа для девочек. До 1852 г. в ней обучалось в общей сложности до 389 дочерей купцов, мещан и чиновников. Для того времени это очень значительное число [30, 289]. Известно, что А. Ф. Бригген подумывал об отправке своих внебрачных дочерей в Туринский монастырь [31, 343].

Интерес к внегородской торговле проявляли и жители Ирбита. Осенью 1822 г. в Троицке было возбуждено уголовное дело о незаконной продаже чая ирбитским мещанином Д. И. Шальковым». Он торговал вместе с пятнадцатилетним братом Егором [32]. 16 декабря 1828 г. в Троицке был задержан еще один ирбитский Шальков – Иван Васильевич, – купец 3-ей гильдии, 67-ми лет, не представивший ярлык, положенный по уставу о питейном сборе, о продаже хлебного бальзама (240 «куфшинов», общим объемом около 815 ведер). Кроме бальзама, у купца находилось 66 фунтов юфтовых кож [33]. Сообщение подтверждается данными Н. С. Попова об изготовлении и отправлении из Ирбита в Троицкую крепость выделанных кож на сумму до двух тысяч рублей в начале XIX в. [14, 295].

Однако, не имея достаточной сырьевой базы для переработки продуктов сельского хозяйства, Ирбит, как и остальные северные города Зауралья, был также вынужден ограничиться местной торговлей. По описанию М. Баккаревича, в Ирбите «торговля и промыслы здешних обывателей состоят в разных мелочных товарах» [34, 233]. Такое положение и далее оставалось без изменений. «Хлебная торговля в г. Ирбите, – сообщалось в 1863 г., – производится только местными купцами и мещанами, в одно зимнее время и простирается не более 300 пуд в год» [35]. Сведения показательны, хотя и требуют критической проверки.

Крестьяне близлежащих местностей, имея лошадей для дальних перевозок, могли обходиться без посредничества ирбитских торговцев. Поэтому жители города ограничивались, в большинстве случаев, мелкими операциями, нанимались субподрядчиками, приказчиками и торговыми агентами. Например, в 1803 г. ирбитский мещанин Дмитрий Елизаров находился под началом поверенного питейных сборов Медведева И. О. «при продаже питей в белослудском казенном питейном доме», о чем и было сообщено в Думу [36, 9]. Следовательно, даже у благополучного ярмарочного Ирбита собственная внегородская торговля также была незначительной.

Иное дело – Ирбитская ярмарка. История ее возникновения и дальнейшей эволюции отражена во многих трудах. Нельзя, однако, согласиться с мнением, что история города перестала быть «загадкой» и вписана с марксистских позиций в общий ход исторического развития России XVII в. [37, 33]. «Роковая случайность» ярмарки, «загадка» Ирбита – появление этих метафор в научном обороте было закономерным [38]. Загадка Ирбита заключается отнюдь не в месте зарождения ярмарки – здесь вероятен и элемент случайности, «рок», – а в том, почему ярмарка продолжала развиваться на прежнем месте, после смещения к югу торговых путей.

Торговые интересы купечества других городов и европейский рационализм верхушки чиновничества не раз ставили жителей Ирбита перед угрозой закрытия ярмарки. Инициаторами переноса ярмарки в восточном и западном направлении в разное время выступали такие же крупные администраторы, как В. Н. Татищев, В. И. Генин, М. Н. Сперанский, К. Я. Тюфяев, Лодыженский и И. И. Огарев, П. Д. Горчаков [39, 21–26]. Вряд ли подобная живучесть объясняется исключительно пограничным положением города или, умением его жителей балансировать между различными группировками купечества и фискальными интересами казны.

Разумеется, для Ирбита было очень существенно отношение к нему феодального государства. Так, благодарная Екатерина II после событий Крестьянской войны предоставила ему максимально благоприятные условия. Даже пожар 1790 г., уничтоживший почти весь город, не заставил ее отказаться от поддержки Ирбита. Очередная попытка конкурентов, теперь екатеринбуржцев, перевести ярмарку к себе окончилась неудачей [40, 433]. Архивные данные свидетельствуют о том, что аналогичную попытку предпринял и Шадринск [41, 5]. Причина роста ярмарки не может быть сведена к одному или нескольким разрозненным ключевым факторам.

Необходим системный анализ с первоочередным рассмотрением природных и экономических условий. Пограничное положение города определялось не столько игрой на разнице «запад – восток» (в наиболее выгодном месте был Камышлов, лежащий на прямой: Екатеринбург – Тюмень), сколько дополнительным противоречием «север – юг». Ирбит использовал оба эти преимущества. Севернее его основной жизни населения были присваивающие отрасли хозяйства южнее – производящие. Поэтому для ярмарки был характерен и местный региональный обмен. Даже в 1848 г., когда из-за золотодобычи товарооборот Европейской России с Сибирью значительно возрос, «привоз на ярмарку местных произведений, почти вполне остающихся в губернии», все же составил седьмую часть всего привоза [42, 5].

Город находился приблизительно на одной широте с крупнейшими горными заводами Урала: Нижне-Тагильским и Невьянским. При отправке железа и меди в юго-восточном направлении он занимал промежуточное положение на пути к Тюмени. Для северных заводов линия Екатеринбург – Камышлов лежала в стороне от перевозок их продукции в Сибирь. Возможность использования рек Нейвы и Ницы, текущих к Ирбиту, усиливала позиции ярмарки. В основном же товар перемещался зимним гужевым транспортом. Только из Невьянска в середине XIX в. к Ирбиту отправлялось 1000 возов с различными кустарными изделиями [2, 212, 277, 364].

Немаловажное отличие Ирбитской ярмарки – преобладание предметов роскоши. Для товаров, не имеющих отношения к повседневным нуждам, отдаленность ярмарки не играла существенной роли. Теория предельной полезности утверждает, что спрос на вещи высокой

стоимости мало подвержен влиянию ценообразования. «Текущие цены на такие товары, как редкие вина, драгоценности <...> столь высоки, что спрос на них практически предъявляется только богатыми, причем во многом он вызван соображениями общественного престижа. Такого рода спрос почти не поддается насыщению и мало эластичен по отношению к цене» [43, 112].

Сохранившиеся сведения подтверждают, что престижные товары и престижное потребление составляли отличительную черту Ирбитской ярмарки [42, 5–12]. Значимую долю среди них составляли меха. По данным последней трети XIX в. с ярмарки только в Петербург поступало мехов до 500 000 руб. На еще большую сумму меха шли за границу [44, 65–78]. И Сибирь не была чужда предметам роскоши. Рост потребительского спроса, товарный голод и эстетическая неразборчивость жителей окраин способствовали наплыву в Ирбит дорогих, но не всегда качественных изделий.

Данная специализация проявилась и в сокращении продаж азиатских тканей (они вытеснялись русской «мануфактурой»), а с середины XIX в. – жирного товара. Большая его часть стала продаваться на ярмарках Ишима и Шадринска. В жирном товаре Ирбит, видимо, ограничивался обслуживанием близлежащей округи. С конца 50-х гг. здесь началось сокращение операций по реализации пушнины – сказывались последствия истребления животного мира [2, 341–342].

Таким образом, город выполнял несколько функций. Он связывал Европейскую Россию и Урал с Сибирью, северные малоплодородные области (вплоть до Европейского Приуралья) с южными (вплоть до казахских степей). Он, мобилизуя избытки местной товарной продукции, являлся узловым пунктом сбора. Переплавлять их далее, на более крупный оптовый пункт, необходимости уже не было. Ирбит совмещал в себе три типа ярмарок: узловой сборный, оптовый и узловой распределительный, чем пользовались близлежащие местности Урала, Зауралья и Западной Сибири.

Еще одна особенность, сближающая Ирбит с Верхотурьем и Туринском, оставалась мало осознаваемой. Город, что было замечено, не имел полноценных возможностей для развития оптовой торговли в обменных операциях Европейской России с Сибирью – он лежал в стороне от торговых путей и от центров хозяйственной жизни. Но, от внимания наблюдателей ускользнуло то, что рост оборотов здесь был условным. За шумным ярмарочным оживлением скрывалось отсутствие множества товаров, причем именно тех, что были выставлены для всеобщего обозрения.

Поясним вышеизложенное материалами источников. Пермский губернатор в статье о ярмарке замечал: «Надобно заметить, что самая большая часть товаров, как Кяхтинских, так Российских и иностранных, в Ирбите не завозится, и торг оными между оптовыми торговцами производится почти вообще меною и основан на вере. Не завозятся сии товары, потому, что нет там достаточного помещения, и с учреждением новых и ближних трактов, Ирбит отстоит от дорог Сибирских, от одной более ста, от другой более двухста верст» [45, 430–431].

«Ярмарочные обороты увеличиваются с каждым годом, – вторил Мозель, – хотя оптовые торговцы, пользующиеся общим доверием, самую значительную часть товаров своих не привозят в Ирбит, по недостаточности помещения и дальнему расстоянию от новых сибирских трактов. Впрочем, сюда доставляются почти все главные товары, как русские, так и иностранные» [16, 700–701]. И губернаторы, и Х. Мозель заметили, что Ирбит в оптовой торговле довольствовался наличием не всей массы товаров, в основном образцов, играя роль выставки-продажи или биржи.

Следовательно, Ирбитская ярмарка имела преимущество и вне рамок экономико-географического положения. Она обладала иной – информационной – ценностью, служила индикатором рыночного спроса, помогала налаживать межличностные отношения в торговле. Данные качества в последующем распространились и на другие территории. Так, например, для торговли на рубеже XIX и XX вв. было характерно сокращение оборотов крупных ярмарок, возрастание числа мелких ярмарок и эволюция оптовых ярмарок «в выставки, а затем в товарные биржи» [46, 120]. Это вело противоречивости перспектив Ирбита. Город, иг-

рая на опережение, ранее других приобрел новые качества. Однако эта его монополия была временной. Она «работала» лишь в условиях неразвитости рынка и дефицита торговой информации.

Купцы не забывали изречение «базар цену строит» и приезжали сюда, чтобы извлечь очевидные выгоды. На ярмарке препятствия для торговой деятельности были сведены до минимума – население города не участвовало в крупной торговле, оно тяготело к обслуживанию. По данным С. С. Пенна, «местные жители городов Ирбита среди чрезвычайно разнообразной и деятельной жизни приезжих промышленников и торговцев отличаются полным безучастием в оборотах, совершающихся у них перед глазами в их собственных домах и лавках, и довольствуются для прожитка на целый год одною выручкою за наем у них помещений» [47, 88]. Эти сведения нуждаются в уточнении. Во время ярмарки торговля горожан не исчезала, но отходила на второй план. Их участие в ярмарке ограничивалось сдачей жилья и арендой торговых мест.

С конца XVIII в. в Ирбите и Верхотурье существовали герберги под номером 2 (арендная плата за 60 руб.). Нумерация зависела от ассортимента и качества напитков. В гербергах третьего и четвертого номеров запрещалась продажа водки. В 1799 г. герберги за номером 3 были уничтожены, «чтоб не делали откупщикам в заведениях их подрыва» [48, 206]. В 1798 г. ирбитский купец Петр Пятков взял «трактир № 2 с сего года впредь на 4 года, то есть до 1802». Арендатор намеревался продавать водки, виноградные вина, «аглитское пиво, полпиво лехкое», а также «чай, кофей, щекولات, курительный табак». В 1803 г. аренда была продлена, но акциз после смерти отца платил уже Иван Пятков. Кроме ирбитцев, алкоголь продавали и иногородние торговцы. Так, некоторые заведения были у сарапульского купца Лариона Котлова [49].

Жители Ирбита также брали в аренду лавки и балаганы, городские весы, участвовали в подрядах по продаже соли [50]. Характерный пример: в 1802 г. мещанин Алексей Кандыбаев принял долги умершего отца в сумме 5000 руб. и обязался вносить ежегодно во время ярмарки по 500 руб [51, 74]. Торговый оборот Ирбита (без ярмарки) достигал в 1803 г. 48 тыс. руб. [2, 268]. На коммерческой почве между горожанами нередко возникали конфликты. В 1803 г. разбирался спор между местным купцом В. Е. Овсянниковым и ирбитским обществом, которое почему-то не выдало купцу билеты при откупе у двух балаганов по 45 руб. В итоге один из балаганов был сдан московскому купцу Дмитрию Кондратьеву, а второй, видимо, остался порожним. Овсянникова, отказавшегося платить за второй балаган, городничий Булгаков арестовал и держал его до выплаты 45 руб. [51, 142–146, 166].

Гигантские размеры ярмарки не позволяли горожанам монополизировать сферу обслуживания. Здесь действовали и пришлые предприниматели. Так, жительницы Староневьянского завода Татьяна Турина и Акулина Третьякова «со товарищи» полностью взяли в 1803 г. в свои руки торговлю пельменями. Они откупили за 55 руб. 11 мест для постройки пельменных балаганов [52, 8]. В 1813–1815 гг. в городе действовали 3 герберга и среди арендаторов оказались ирбитский мещанин Шварев, макарьевский мещанин Камандрин и ирбитский мещанин Кузнецов [53, 40, 190]. Заведения, продавая алкоголь, конкурировали между собой. В 1809 г. содержатель герберга № 1 жаловался, что с открытием «сего года ярмонки, приехав, квартирующий у мещанина Алексея Кандыбаева Тобольского гарнизонного полка унтер-офицер Алексей Возницын открыл клуб маскарад, а потом театр». Предприимчивый служивый пустил в ход «буфет с разными напитками» [54, 72]. Видимо, это было одно из балаганных заведений, характерных для любой крупной ярмарки.

Так, присутствуя на ярмарке 1826 г., К. Ф. Ледебур сообщал: «донеслись звуки барабана; это извещали о представлении театра кукол, и незначительная входная плата – 10 коп. – привлекала множество народа. Я также протолкался туда, однако, сюжет и само представление вполне соответствовали заведению и цене, чего и следовало ожидать» [55, 415]. Вопрос о строительстве здания театра с серьезными представлениями, поднимался еще в начале XIX в. но его деятельность здесь начались в 40-е гг. [51, 204].

Ярмарка, отображая экономические потребности общества, одновременно удовлетворяла и индивидуально-психологические запросы участников. Ирбитская ярмарка, замечал современник, «составляет нечто вроде минеральных вод». Претензии на элитарность совмещались с народными традициями: масленичными блинами, катанием на лошадях – «здесь бывает неимоверное множество извозчиков из разных деревень и возят они за цену неимоверно дешевую» [56, 19]. Привлекала ярмарка и женщин легкого поведения. Итогом «общения» бывало, что Ирбит, по язвительному замечанию В. О. Португалова, наделял «своих жрецов такими знаками отличия, которые не остаются бесследными даже на ближайшем потомстве» [57, 19].

Дух ярмарки сказывался во всем. Даже дома жителей, особенно после пожара 1790 г., были приспособлены к ее условиям. Н. С. Попов сообщал, что они «вместо обыкновенных сеней разделяются на две половины коридором, через всю длину состоящим из капитальных стен, по обе его стороны устроены комнаты, составляемые также из капитальных стен и перегородок, так что каждая комната имеет особые в коридоре двери, дабы нанимающие оные во время ярмарки купцы для своего постою имели всю возможную удобность расположения <...>» [14, 295]. Хотя близлежащие деревни и сбивали цены, но плата за жилье была очень высокой. Только в 1860 г. доходы жителей Ирбита от сдачи домов во время ярмарки составили 50000 руб. [47, 80].

Кроме частных доходов, были общественные. После пожара 1790 г. горожане построили деревянный гостиный двор. По указу Екатерины II он принадлежал городскому обществу с правом получения доходов. Торопясь закончить гостиный двор, жители строили лавки частным образом и получали с них прибыль. Это запутало имущественные отношения. По архивным данным строительство лавок и балаганов продолжалось и после 1790-91 гг., всего к 1797 г. их было около 470. Видимо, построивший «своим коштом» балаган распорядился им, но затем «торговая точка» отходила в ведение городского общества и могла быть перенесена на другое место. К началу XIX в., здесь имелось также 4 каменные и 15 деревянных питеен. Примечательный факт: не считая 2 каменных церквей и 4 питеен, в городе находилось только 1 каменное здание [58, 9–41].

В 1801 г. по настоянию генерал-губернатора Модераха городское общество решило строить каменный гостиный двор. Эту собственность не делилась «на каждого порознь ни по каким заслугам и преимуществам платимых в казну податей и не давать никому наименования быть лавкам хозяином, и оными яко собственными своими распоряжаться и укреплять потомственно» [14, 294]. Уточнение содержит отголосок конфликтов, связанных со старым гостиным двором. Строительство началось в 1802 г. и проходило с большими трудностями. Губернатор Модерах регулярно требовал отчета о ходе работ, израсходованных средствах. К 1803 г. было построено 6 торговых мест и они сразу же были сданы в аренду местным жителям [36, 138–161].

С 1806 по 1809 гг. городское общество разбирало исковое дело екатеринбургского купца Толстикова. Городской голова Стариков, бургомистр Пушкарев, гласные Устинов и Кошкаргов, «без согласия протчих на то членов магистрата и думы», заключили с ним контракт на покрытие лавок гостиного двора железом. Но общество предпочло договориться с «поверенным тайного советника Николая Никитича Демидова Белохохловым» и Толстиков предъявил иск. Пермское губернское правление встало на сторону купца и обязало выплатить ему 17645 руб. 90 коп. [59, 72].

По плану гостиный двор состоял из 204 внутренних и 34 наружных лавок. Они выстраивались в Московский, Устюжский, Ивановский, Екатеринбургский, Тобольский, Курский, Заволжский, Вятский и другие ряды [60, 225–226]. В ходе строительства размеры, видимо, были уменьшены. В 1829 г., в четырехугольном дворе находилось 8 корпусов и 126 лавок. Кроме них, было 150-155 балаганов и двухэтажный каменный корпус для продажи вина [45, 431–432]. В Ирбите также располагались хмелевые и рыбные ряды, табачные места, пельменные балаганы, весы и множество иных мест для торговли [61, 83].

Заметим, что данные Х. Мозеля не совсем точны. Он не учел строительство временного деревянного гостиного двора и ошибочно считал датой постройки каменного 1804 г. [16, 388]. Но его сообщение о возведении 2-го этажа во дворе подтверждается статистически. В 1842 г. числилось 216 лавок [62, 26–27], в 1850 г. – до 480 [63, 165]. В 1860 г. каменных общественных лавок было 594, частных: каменных – 3, деревянных – 4 [16, 388]. Итак, в городе успешно шло создание материальной инфраструктуры по обслуживанию ярмарки.

Запутан вопрос об оборотах самой ярмарки, В работах фигурируют схожие цифры привоза и продаж [39, 25]. Не имея возможности для их анализа, – по замечанию А. Хитрова, «сведения нельзя считать даже условно правильными», с чем согласны и другие исследователи [38, 73–74], – допустимо выделить основные периоды в эволюции ярмарки. На основе статистического материала это пытался сделать Г. В. Яровой [64, 73–74]. Он допускал, что блестящий период развития ярмарки начался лишь с конца 30-х гг., оспаривая мнение Н. Эйгера. Последний считал, что рост оборотов был связан с появлением золотопромышленности в Сибири и происходил он уже с начала 30-х гг. XIX в. [65, 13].

По-нашему мнению, доводы Эйгера не противоречат историческим реалиям, выкладки же Г. В. Ярового оказываются уязвимыми. Ирбит не переживал спада после «золотой лихорадки». Ценность построений Г. В. Ярового снижается расхождениями с данными К. Я. Тюфяева. Так, сбыт 1824 г. у Ярового составляет 4600 тыс. руб., у Тюфяева же – 4631 тыс. руб. У Тюфяева 3534 тыс. руб. – это привоз 1803 г., – у Ярового показатель перемещается на 1809 г. Периоды развития ярмарки у Г. В. Ярового чрезвычайно большие – по 15 лет. Отсутствие данных до 1824 г. (исключая 1809 или 1803 гг.) и отрезка с 1830 по 1838 гг. включительно, во многом сводит на нет значение его подсчетов [45]. Иная попытка объяснения эволюции ярмарки следует из результатов табл. 1:

Таблица 1. Обороты Ирбитской ярмарки с 1814 по 1859 гг.

Год	Привоз		Сбыт		% реализации
	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	
1814	5016	100	3872	100	77,1
1819	12687	252,9	9607	248,1	75,7
1824	7179	143,1	4631	119,6	64,5
1829	10888	217	7537	194,6	69,2
1834	26708	532,4			
1839	11951		7672		64,1
	41829	833,9	26852	693,4	
1844	17024		12625		74,1
	59584	1187,8	44188	1141,2	
1849	32534		25702		79,0
	113869	2270,1	89957	2323,2	
1854	37997		29165		76,7
	132990	2651,3	102078	2636,3	
1859	44789		42638		95,1
	156762	3125,2	149233	3854,1	

Данные округлены до тысяч. С 1839 г. сведения даны в руб. сер.; нижние строчки – пересчет на асс. по курсу 1: 3,5 (см.: Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.), Л., 1985. С. 37; Неупокоев В.И. Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII-начале XIX вв. М., 1987. С. 27-29).

Подсчитано по: Российский государственный исторический архив. Ф. 18. Оп. 4. Д. 90. Л. 1; Государственный архив пермского края. Ф. 65. Оп.4. Д. 86.Л. 106; Торговля на Ирбитской ярмарке в 1834 гг.// Журнал МВД. 1835. Ч. 15. Отд. XIX. Смесь. С.176; Мозель Х. Указ. соч. Ч. II. С. 390-391.

Статистика свидетельствует: в первой четверти XIX в. обороты увеличивались. Согласно Тюфяеву, привоз возрос с 3 532 092 руб. в 1803 г. до 8 095 887 руб. в 1825 г. – почти в 2,3 раза [45, 439]. Скачок ярмарочных оборотов начался с конца 20-х гг., достигнув максимума в 30-е гг. XIX в. С 1826 по 1838 г. привоз увеличился с 7 719 887 руб. до 41 829 045 руб. или в 5,4 раза. В последующие 20 лет (с 1839 по 1859 гг.) рост уменьшился: с 11 951 155 руб. сер. до 4 477 910 руб. сер. или в 3,7 раза [66, 61–64].

Г. В. Яровой не заметил, что с 1839 г. данные приводились по курсу серебряного рубля. Из его построений следует, что в 1829 г. (привоз – 10888 тыс. руб. асс.), почти не отличался от 1839 г. (привоз – 11951 тыс. руб. сер.), что ошибочно [2, 25]. Имеется также опубликованный и мало используемый материал о росте оборотов ярмарки в 30-е гг. (по привозу). Для 1832 г. он составил 14 378 182 руб. Для 1833 г. – 21 374 798 (или 21 384 859) руб. [67, 276–277]. Для 1834 г. – 26 708 035 руб. [68, 176]., в 1835 г. привоз был 27 830 062 руб. [69, 56–57], в 1836 г. он поднялся до 34 800 650 руб. асс. [69, 173]

Перевод на серебро привел к тому, что последующие исследователи анализировали обороты ярмарки, начиная с 1839 г. В 1907 г. были опубликованы наиболее полные данные о привозе и сбыте товаров на ярмарку:

Таблица 2. Обороты Ирбитской ярмарки с 1839 по 1903 гг.

Годы	Привоз (тыс. руб.)	Сбыт (тыс. руб.)	Годы	Привоз (тыс. руб.)	Сбыт (тыс. руб.)
1839	11951	7672	1871	40728	37546
1840	12332	7682	1872	40256	42582
1841	12800	9472	1873	46939	43855
1842	14045	7888	1874	45921	42223
1843	14483	10303	1875	48146	43275
1844	17024	12626	1876	49029	45987
1845	20222	17426	1877	49824	46213
1846	26935	22247	1878	50376	48890
1847	28091	23642	1879	50725	49585
1848	31151	26903	1880	57058	53672
1849	32534	25702	1881	68784	65159
1850	35893	25331	1882	70046	66208
1851	35531	28741	1883	69807	62575
1852	30855	25363	1884	67484	62240
1853	36955	29363	1885	68958	65693
1854	37297	29165	1886	59827	51505
1855	23344	17601	1887	56272	50460
1856	20678	18541	1888	57709	55426
1857	17969	17142	1889	49753	44590
1858	41764	38847	1890	46090	42522
1859	44789	42628	1891	45896	39303
1860	46908	45628	1892	34586	25473
1860	47620	42370	1893	48410	41084
1862	48500	39260	1894	49187	41264
1863	51200	48700	1895	48364	42823
1864	46420	42350	1896	47497	41095
1865	39711	36200	1897	41163	33093
1866	36311	33383	1898	38348	33326
1867	38622	35537	1899	39236	34580
1868	36400	34350	1900	38560	34080
1869	39184	37524	1901	34500	31500
1870	40067	38307	1902	31128	27404
			1903	32370	29502

Источник: И. – евъ П. Что говорят цифры об Ирбитской ярмарке // Сибирские вопросы. 1907. №1. С. 61.

Нельзя не согласиться с выводами статьи «Что говорят цифры об Ирбитской ярмарке» относительно причин снижений ее оборотов. Так, закономерно объяснено понижение 1855-1857 гг. Крымской войной. Следующее понижение 1863-1868 гг. было связано с отвлечением капиталов после освобождения крестьян и военным продвижением России в Среднюю Азию, когда приостановился привоз товаров. Уральская железная горная дорога, открытая в 1879 не оказала заметного влияния на ярмарку, кроме того, что «приблизила товары из Европейской России». Более того, она содействовала некоторому росту.

Однако, после проведения в 1886 г. железной дороги Екатеринбург – Тюмень, товары пошли в обход ярмарки и началось падение оборотов. Еще более сократили обороты ярмарки Великая Сибирская железная дорога и соединение ее через Екатеринбург с линией Пермь – Котлас. Голодные 1891-1892 гг. «также сильно отразились на оборотах» [66, 61–64]. Можно дополнить выводы автора статьи: содействовали сокращению оборотов и неурожаи 1868, 1883-1884, 1889-1890 и 1901 гг. Основная причина начавшегося угасания Ирбита заключается, впрочем, не в стечении случайных негативных обстоятельств. С развитием промышленности и транспортной инфраструктуры ярмарочная торговля с неизбежностью заменялась стационарной.

Ирбит разительно отличался от Верхотурья и Туринска своей светскостью. Эти церковно-купеческие города утрачивали уже приобретенное и эволюционировали к замкнутости. Ирбит, напротив, стремился к открытости. Ярмарка, подстраивая город под себя, не стала его органической составной частью – их величины были несопоставимы. Произошло иное. Ирбит сам оказался одним из элементов ярмарки и превратился в ее функциональный придаток. Соответственно, судьба города оказалась в зависимости от ярмарочных успехов. Оценка Ирбита современниками была категоричной: «Это человек, ожидающий одиннадцать месяцев своего единственного годового дохода, это актер, печально исполняющий свою обязанность до своего годового бенефиса» [70, 7].

Периодичная ярмарочная торговля или торговля от случая к случаю не требовали наличия многочисленного населения и развитой материальной инфраструктуры. Поэтому анализируемые города визуально незначительно отличались от деревень. Их территория и жители были, всего-навсего, функциональными дополнениями к торговым операциям. Неразвитость собственно городской экономики порождала господство над ней внешней, региональной торговли и ее основных агентов. По отношению к ним, города оказывались на второстепенном положении. Не случайно, что торговые и промышленные воротилы фактически превратили города в свои вотчины.

Предпринимательская деятельность не была бесплодной. Со временем и у северных зауральских городов появились возможности для роста экономики и уменьшения зависимости от региональной торговли. Однако произошедшая трансформация ставила под угрозу их прежние социокультурные основания. Ранее эпизодические рыночные связи определяли господство случайностей при извлечении прибыли. Эти случайности нередко определяли результативность поступков людей вне зависимости от их воли.

Еще Адам Смит замечал о предпринимателе, стремящемся к получению максимальной прибыли: «он преследует лишь свою собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действенным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится сделать это. Мне ни разу не приходилось слышать, чтобы много хорошего было сделано теми, которые делали вид, что они ведут торговлю ради блага общества» [71, 443].

Многokrатно упоминаемая экономистами «невидимая рука» рынка в психологическом плане, напротив, требовала воплощения в видимом материальном носителе. В сознании людей рыночная непредсказуемость переносилась на места торговли. Соответственно, города символизировали непознаваемость и, даже, неадекватность рынка. Эти качества во многом определяли повседневное поведение и горожан, и пришлых. Ведь в городе человек погружался в искусственную среду. Он отчуждался от природного пространства, с его привычным

тогда для путешественников «естественным» разбоем на дорогах [72, 121–124]. Заметим, что даже на Волге нападения продолжались до середины XIX в. [73, 102].

В городе разбой сменялся иными угрозами. «Когда мужику приходилось ездить в город, всякий представитель власти, городской или околоточный, бил его за то, что он поехал по улице, по которой ему запрещалось ездить, или недостаточно быстро свернул в сторону для свободного проезда экипажа какого-нибудь начальника. Надо быть мужиком, чтобы познать худшие притеснения. Вот почему мужик города не любил. Он боялся его, и если ездил туда, то не ради удовольствия, а чтобы продать свой урожай или купить самое необходимое для домашних нужд, того, чего не было у сельского купца», – вспоминал воронежский крестьянин И. Я. Столяров [74, 390].

Угрозы были не всегда явными и хорошо осознаваемыми. Мошенничество или отсутствие спроса, игра цен, высокие издержки и риски вели к постоянному дискомфорту. Это чувство соседствовало с надеждами на скорое обогащение. Поэтому город дарил надежду и лишал покоя. Его отличало символичное смешение святости и греха. И у зауральских городов под покровом официальной духовности скрывались пугающие хтонические свойства. Они запечатлены в легендах о подземных ходах. Причины появления легенд были различны. Симптоматично, что народная молва связывала подземные ходы Верхотурья и Ирбита с монастырями или с купеческими усадьбами [75, 31–56, 228–241]. Следовательно, в фольклорных преданиях источники богатства городов ассоциировались с тьмой и тайной. Среди причин появления легенд о тайных подземельях исследователь В. М. Слукин называет и торговые функции у провинциальных городов [75, 246].

То, что у образа города присутствуют сверхъестественные свойства, исследователи обратили внимание уже давно. Сошлемся на статью «Социально-экономический облик северной русской сказки 1926-1928 годов». В ней был зафиксирован социальный статус носителей волшебных сказок. Это мужчины, в основном грамотные, побывавшие во многих городах Европейской и Азиатской России. «Различия в отражении хозяйственных отношений у сказок о животных и сказки о змее оказались чрезвычайно крупными, – обращал внимание А. И. Никифоров. – Первые прикреплены к местному хозяйственному быту, вторые уводят текст сказки в город. Но какой город! Афишки и красный флаг – это все, что в нем есть послереволюционного. Все остальное указывает на небольшой дореволюционный уездный город с водовозами, кухарками, половыми т. д. Именно на такие города опиралась помещичье-дворянская Россия XVIII-начала XIX века» [76, 228, 238]. Исследователь связывает волшебную сказку с миром пригородной помещичьей усадьбы, что, по нашему мнению, верно лишь отчасти. Нам также приходилось анализировать взаимодействие образа города и сюжета о борьбе со змеем [77, 20–24].

Причины существования данной волшебной мифологемы в принципе объяснимы. Для ярмарочных и религиозных центров было характерно преобладание торговли и сферы услуг. В традиционной культуре они не воспринимались в качестве реальной полноценной работы, а лишь как суррогатные действия. Таким образом, источник богатства города ускользал от глаз наблюдателей и смещался в латентную область. Отсюда, видимо, проистекает сдержанное отношение к торговцам не только у населения, но и в среде самих предпринимателей. «В московской неписанной купеческой иерархии, – отмечал В. П. Рябушинский, – на вершине уважения стоял промышленник-фабрикант; потом шел купец-торговец, а внизу стоял человек, который давал деньги в рост, учитывал векселя, заставлял работать капитал» [78, 100].

Как отмечает П. А. Бурыйкин, инициативные крестьяне «ездили в ближайший город за товаром и начинали у себя на месте снабжение им своей деревни и ее окрестностей. Таким образом, до последнего времени, не город шел со своим товаром в деревню, а деревня шла за ним в город сама» [78, 84]. Не стоит, однако, абсолютизировать новации мигрантов. Выходцы из деревенского мира все же были носителями традиционной культуры. Перебираясь в город, пришельцы приносили с собой деревенские социальные нормы. Долгое время свое новое пребывание они воспринимали как случайное и непостоянное. Поэтому для приезжих города выступали в первую очередь средствами обогащения. Они были торговыми площад-

ками, на языке того времени – «складочными местами». Официальное место жительства предпринимателей могло меняться: «Какие мы ейские купцы? Просто гильдейское свидетельство в Ейске выправляли – дешевле было, чем в Москве, вот и все. От этого и приписаны были к ейскому купечеству», – заметил один из родственников Ю. А. Бахрушина [79, 351].

У современников присутствовало ощущение, что извлечение городом общественного богатства происходило «само по себе», ниоткуда. Выгоды его местоположения лишь в малой степени дополнялись активностью жителей. Зависимость города от внешних обстоятельств перевоплощалась в зависимость индивида со стороны локального социума. Постепенно здесь формировался мир сложных коммуникативных связей, основанных на взаимной психологической подчиненности. Это оборачивалось эффектом своеобразного замкнутого пространства, причем пространства зависимого и не способного существовать без внешнего окружения.

Исходящее якобы извне обогащение горожан могло объясняться мистическими и (или) аморальными причинами, что с неизбежностью порождало фобии в среде горожан. Данное негативное восприятие характерно и для мировой культуры. Известный автор романов ужасов замечает о своем творчестве: «помимо твердой убежденности в том, что история может существовать сама по себе, мне помогает стартовать и уверенность в том, что маленький городок есть социальный и психологический микрокосм» [80, 242]. Отчасти эти подспудные страхи минимизировались и замещались ритуальными действиями. Ярмарочные приметы, молебны, пожертвования, демонстративные траты и загулы купцов должны были обеспечить удачу в торговле. Разумеется, со временем, у этих действий происходила трансформация и утрата скрытых смыслов. «Можно сказать, – утверждает культуролог Е. В. Дуков, – что развлечения начались с толпы зевак, собравшихся посмотреть на зрелище, которое лишено для них сакральности» [81, 41].

Все вышеизложенное содействовало негативному восприятию городов. Развитие рынка в России так не привело к их подлинному общественному признанию. Все это вело к негативным оценкам городской жизни. Торговля, да и сами города сплошь и рядом подлежали осуждению. Далеко не случайно, что для отечественной мысли XVIII-XIX вв. было заурядным признание множества городов «ненастоящими». Последующее развитие экономики смогло лишь отчасти обеспечить рокировку приоритетов.

Да, доминирование торговли постепенно заменялось господством производственной инфраструктуры. Да, нарастающая эмансипация от «внешних» торговых операций вела к росту населения, индивидуализма и новой городской культуры. Однако, как показывает последующий исторический опыт, до полноценного рынка и новых индустриальных городов было еще далеко. Эта эволюция растянулась во времени и не завершена до сих пор. Видимо, для городов процесс адаптации к внешним условиям вечен. Проблема «вызова и ответа», вскрытая А. Тойнби, оказалась актуальна не только для цивилизаций, но и для их узловых центров – городов. Причем, как для городов прошлого, так для городов дня сегодняшнего.

Литература

1. Александер Дж. «Базовые» и «небазовые» экономические функции городов // География городов. М., 1965.
2. Иофа Л. Е. Города Урала. М. – Л. Ч. I, 1951.
3. Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965.
4. Громыко М. М. Верхотурские купцы Походяшины // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). Новосибирск, 1973.
5. Государственный архив Свердловской области. Ф. 644. Оп.1. Д. 16. (далее – ГАСО)
6. Государственный архив города Шадринска. Ф. 474. Оп.1. Д. 358. (далее – ГАШ)
7. Словцов И. Я. Природа и люди Северного Урала. Екатеринбург, 1887.
8. Чудиновских В. А. Специфика становления североуральского промышленного района во второй половине XVIII в. // Развитие промышленности и рабочего класса горнозаводского Урала в досоветский период (Информационные материалы). Свердловск, 1982.

9. Чупин Н. К. О Богословских заводах и заводчике Походяшине // Сборник статей касающихся Пермской губернии и помещенных в неоф. части губернских ведомостей в период 1842-1881. Вып. 1. Пермь, 1882.
10. Чудиновских В. А. Комплектование рабочей силы на Богословских заводах во второй половине XVIII в. // Вопросы истории Урала. Сб. 13. Свердловск, 1975.
11. ГАШ Ф. 474. Оп. 1. Д. 480.
12. Разгон В. Н. Частное предпринимательство на Алтае в XVIII-первой половине XIX в. // Предпринимательство на Алтае: XVIII в. – 1920-е годы. Барнаул, 1993.
13. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. Кн. II.
14. Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии. В 3-х ч. СПб., Ч. III.
15. И.Р. Города Пермской губернии // Материалы для статистики Российской империи. – СПб., 1839. Отд. III.
16. Мозель Х. Материалы для географии и статистики России: Пермская губерния. В 2-х ч. СПб., 1864. Ч. II.
17. Макарий. Описание города Верхотурья, составленное инспектором Пермской семинарии игуменом Макарием. СПб., 1854.
18. Лепехин И. Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1771 году. Ч. 3. СПб., 1814.
19. Экономическое состояние городских поселений Европейской России. В 2-х ч. Ч. 2. Отд. XXVIII.
20. Копылов Д. И. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XX в.). Новосибирск, 1977.
21. Корчагин П. А. История Верхотурья (1598-1926). Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. Екатеринбург, 2001.
22. «Подробное сказание о жизни и чудесах святого праведного Симеона Верхотурского чудотворца и чествования святых мощей его» // ГАСО Ф. 603. Оп. 1. Д. 363.
23. Мангилев П. И. Источники по истории почитания святого праведника Симеона Верхотурского // Археография и источниковедение истории Урала периода феодализма. Тез. докл. науч. конф. студентов и молодых ученых 22-24 мая 1991 г. Свердловск, 1991.
24. Никольский. Из записок о частной золотопромышленности в Верхотурском уезде Пермской губернии // Ирбитский ярмарочный листок. 1865. № 3.
25. Описание города Туринска // Северный архив. 1828. Ч. 35. Отд. II.
26. Государственный архив Челябинской области. Ф. 15. Оп.1. Т. 3. Д. 2990, 3206, 3196, 3246, 3273, 3450, 3468, 3572, 3625, 3667 (далее – ГАЧО).
27. Ильин В. Краткие статистические описания окружных городов Тобольской губернии; О торжках и ярмарках в городах и округах Тобольской губернии // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 г. Тобольск, 1864.
28. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982.
29. Тобольские губернские ведомости. 1865. № 45. (Далее – ТГВ).
30. Абрамов Н. Туринский Николаевский женский монастырь // ТГВ. 1865. № 45 от 6 нояб.
31. Тальская О. С. Александр Федорович Бригген // Бригген А.Ф. Письма. Исторические сочинения. Иркутск, 1986
32. ГАЧО Ф. 15. Оп. 1. Д. 1952.
33. Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2477.
34. Баккаревич М. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1810.
35. Ирбитский ярмарочный листок. 1863. № 3 (далее – ИГВ).
36. ГАСО Ф. 644. Оп. 1. Д. 34.
37. Вилков О. Н., Резун Д. Я. К истории изучения Ирбита // Сибирские города XVII – начала XX века. Новосибирск, 1981.
38. Хитров А. К истории Ирбита и Ирбитской ярмарки. Ирбит, 1872.
39. Сутырин Б. А. К истории Ирбитской ярмарки во второй четверти XIX в. // Уральский археологический ежегодник за 1973 год. Свердловск, 1975.
40. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга / под ред. В. П. Семенова Тянь-Шанского Т. 5. Урал и Приуралье. СПб., 1914.
41. ГАШ Ф. 474. Оп. 1. Д. 2.
42. Вердеревский. Ирбитская ярмарка // Отечественные записки. 1849. Т. 65. Отд. 4.

43. Фальцман В. К. Макроэкономика плановой и предпринимательской систем: основы рыночного поведения (спецкурс) // Российский экономический журнал. 1993. № 2.
44. Бахтияров А. Брюхо Петербурга. Общественно-физиологические очерки. СПб., 1888.
45. Тюфяев К. Я. Известия о Ирбитской ярмарке // Журнал МВД. 1829. Ч.1. Кн.1.
46. Еланцева О. Н. Эволюция основных форм городской торговли в начале XX (на примере г. Тюмени) века XX // Тюменский исторический сборник. Вып.IV. Тюмень, 2000.
47. Пенн С. С. О торговле и оборотах Ирбитской ярмарки в 1880 и 1881 годах и о прочем // Пермские губернские ведомости. 1862. №5. Часть неоф.
48. ГАСО Ф. 644. Оп. 1. Д. 26. Т. 2.
49. ГАСО Ф. 644. Оп. 1 Д. 19. Д.. 34. Д. 36.
50. ГАСО Ф. 644. Оп. 1. Д.. 20. Д. 36.
51. ГАСО Ф. 644. Оп. 1. Д.. 34.
52. ГАСО Ф. 644. Оп. 1 Д. 36.
53. ГАСО Ф. 644. Оп. 1. Д. 71.
54. ГАСО Ф. 644. Оп. 1. Д.. 58.
55. Ледебур К. Ф., Бунге А. А., Мейер К. А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи / пер. с нем., 1993.
56. Ирбитский ярмарочный листок. 1893. № 3.
57. Португалов В. О. Ярмарка и гигиена // Ирбитский ярмарочный листок. 1893. № 5.
58. ГАСО Ф. 644. Оп. 1. Д. 16.
59. ГАСО Ф. 644. Оп. 1. Д. 69.
60. ГАСО Ф. 644. Оп. 1. Д. 48.
61. ГАСО Ф. 644. Оп. 1. Д. 44.
62. Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, Великого княжества Финляндского и Царства Польского. СПб., 1842.
63. Макшеев. Военно-статистическое обозрение Пермской губернии // Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 14. Ч.1. СПб., 1852.
64. Яровой Г. В. Рынок и товарное обращение на Урале в дореформенный период // Вопросы аграрной истории Урала. Свердловск, 1975.
65. Эйгер Н. Сведения об учреждении Ирбитской ярмарки и развитии в ней торговли // Пермский сборник. Кн. 2. М., 1860. Отд. III.
66. И. – евъ П. Что говорят цифры об Ирбитской ярмарке // Сибирские вопросы. 1907. №1.
67. Сравнительная ведомость о привозе товаров в 1832 и 1833 году // Журнал МВД. 1833. Ч. IX. № 7.
68. Торговля на Ирбитской ярмарке в 1834 году // Журнал МВД. 1835. Ч. XV. Отд. XIX. Смесь.
69. Об Ирбитской ярмарке в 1835 и 1836 годах // Журнал МВД. 1836. Ч. XX. Отд. XXI. Смесь.
70. Ирбитский ярмарочный листок. 1833. № 2.
71. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2009.
72. Шипилов А. В. «А на чердаке пушечка чюгунная...»: Как защищались от разбойников в XVIII веке // Человек. 2008. №6.
73. Родин Ф. Н. Бурлачество в России. Историко-социологический очерк. М., 1975.
74. Столяров Иван. Записки русского крестьянина // Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма / сост. М. Вострышев. М., 1989.
75. Столяров Иван. Записки русского крестьянина // Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма / сост. М. Вострышев. М., 1989 . (здесь, очевидно, должен быть автор Слукин, судя по тексту, Столяров =74 – замечание мое, Л.Ш.)
76. Никифоров А. И. Сказка и сказочник. М., 2008.
77. Ершов М. Ф., Ершова Е. М. Архетип пришельца и самоактуализация города // Архетип. Культурологический альманах. 1996. Шадринск, 1996.
78. Бурышкин П. А. Москва купеческая: Записки. М., 1991.
79. Бахрушин Ю. А. Воспоминания. М., 1994.
80. Кинг С. Библиотечная полиция. Несущий смерть. Вторая часть книги «Четыре после полуночи»: Романы. М., 2000.
81. От Рима до дискотеки (интервью с Е.В. Дуковым) // Русский репортер. 2010. №30/31

Л. В. Кашлатова

БУ «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», поселок Березово,
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра

Ай каттась и ун каттась: общее и особенное

Little Kattas and Big Kattas: the General and Especial

УДК 39 ; 908

Аннотация: В статье рассматриваются образы богинь Ун Каттась (Большая Каттась) и Ай Каттась (Маленькая Каттась), которых среднеобские ханты относят к всеобщим божествам. На основании анализа мифологических и фольклорных сюжетов выделены общие и отличительные черты двух богинь, а также особенности их почитания на отдельных территориях проживания обских угров.

Summary: The article is devoted to images of goddesses Un Kattas (Large Kattas) and Ai Kattas (Small Kattas), which sredneobskie khanty relate to the universal deities. On the basis of the analysis of mythological and folklore themes are common and distinctive features of the two goddesses, as well as features of their worship on separate territories of residence of the ob ugrians.

Ключевые слова: Ун Каттась, Ай Каттась, Нуми Торым, Хинь ики, Ем вош ойка, Мир ванту ху, Урт, Най, обские угры, среднеобские ханты, антропоморфное изображение.

Key words: Big Kattas, Little Kattas, Numi Torim, Chin iki, Em vosh oika, Mir vanti xu, bu-grischen, sredneobskie khanti, anthropomorphic image.

В традиционном мировоззрении у народов Сибири вселенная разделена на три зоны, как по вертикали, так и по горизонтали. Вертикальное членение состоит из Верхнего мира, Нижнего мира и Среднего мира. Хозяином Верхнего мира считается Нуми Торым. Он, Нуми Торым, приходится отцом по некоторым данным семи сыновьям, по другим данным – шести сыновьям и одной дочери. Среднеобские ханты считают, что у него четыре сына и три дочери (другие считают две дочери): Хинь ики, Ем вош ойка, Тэв куттуп ойка, Ас тый ики или Урт ойка, Каттась ими, Касум ими и Ай Каттась ими. Нижний мир, то есть подземный, здесь главная роль отводится Хинь ики, хозяину темного царства, духу болезней и смерти. В Среднем мире хозяйкой является богиня Каттась ими. Здесь обитают дети и внуки Торыма, всевозможные лесные духи, хозяева лесов, рек и озер, обитают животные. Здесь же, в Среднем мире живут люди. Ответственность за жизнь и судьбы людей в Среднем мире берет на себя Каттась ими [1, 64-65].

По горизонтальному членению верхний мир находится в верховьях Оби, нижний мир в устье Оби, средний мир в среднем течении реки. На территории среднего течения реки Обь расположена деревня Калтысьяны, где находится священное место богини Каттась ими. Это подтверждается легендой, где она якобы сама выбрала место обитания на берегу протоки, недалеко от Оби в берёзовой роще, где стала «жить». Впоследствии это место стало священным. Здесь же находится её антропоморфное изображение. [2, 42]. На хантыйском языке деревня звучит как Каттась курт – «деревня Каттась».

Среднеобские ханты считают Каттась ими главным женским божеством. У неё есть ещё одно сакральное имя Каттась ангки, где ангки в переводе с хантыйского языка означает «мать». Н. В. Лукина и В. М. Кулемзин в своих трудах дают такое объяснение сакрального значения имени, что ангка обозначает «прамать всего», «мать всех матерей», «мать света вообще», поэтому в картине мироустройства она помещена в стороне восходящего солнца, либо в чреве каждой женщины [3, 204]. Отсюда вытекает её главная функция – «посылать людям детей». Один из её эпитетов звучит так: атанг эви китманг сорни ангки, етн пох китманг сорни ангки «утром дочерей посылающая золотая мать, вечером сыновей посылающая золотая мать».